

УДК 811.134.1'27+811.161.1'27+811.111.1'27

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО» В ИСПАНСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Х.Л.БОРХЕСА «ПРИТЧА О СЕРВАНТЕСЕ И ДОН КИХОТЕ» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

© Т.И.Колабинова

В рассказе Х.Л.Борхеса «Притча о Сервантесе и Дон Кихоте» (Parábola de Cervantes y de Quijote) проводится параллель между судьбой автора и придуманного им персонажа. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу лингвистических средств описания категории «пространство» в оригинале рассказа, в его переводе на русский язык, выполненном Б.Дубиным, и его переводе на английский язык, выполненном Э.Хёрли. Автор приходит к выводу, что, несмотря на переводческие искажения, один и тот же текст на разных языках представляет ценный материал для лингвистических исследований. В исследуемом рассказе пространство делится на свое (реальное, обыденное) и чужое (виртуальное, маняще-сказочное) для каждого из героев. Но при этом то самое пространство, что для героев было обыденным, становится маняще-сказочным для читателя.

Ключевые слова: пространство, категории, Х.Л.Борхес, «Притча о Сервантесе и Дон Кихоте».

Как мы писали ранее, «категории **пространство**, **время** и **движение** являются ключевыми категориями концептуализации действительности, следовательно, их можно обозначить как доминантные категории, на основе которых строится языковая картина мира человека» [1: 107]. Концептуализация действительности происходит следующим образом: «...ментальная репрезентация пространства, каков бы ни был ее источник, преобразуется в текст на естественном языке, интерпретируя который получатель оказывается в состоянии построить в своем сознании ментальную репрезентацию, адекватную в большей или меньшей степени той, что имелась у автора описания» [2: 152].

Однако в различных языках эта ментальная репрезентация будет различной, и легче всего это проследить, сопоставляя один и тот же текст на исследуемых языках, в нашем случае текст, написанный на испанском языке и переведенный на русский и на английский языки.

У Хорхе Луиса Борхеса есть целая серия микрорассказов, где в очень небольшой объем он вложил глубочайшие мысли и идеи. Можно сказать, что в этих рассказах каждое слово ценится на вес золота, поскольку несет колоссальную смысловую нагрузку.

В микрорассказе «Притча о Сервантесе и Дон Кихоте» (Parábola de Cervantes y de Quijote) кратко и емко сопоставляется судьба писателя Сервантеса и героя главного произведения его жизни, Дон Кихота:

“Vencido por la realidad, por España, Don Quijote murió en su aldea natal hacia 1614. Poco tiempo lo sobrevivió Miguel de Cervantes” [3: 45].

«Побежденный реальностью и Испанией, Дон Кихот скончался в родной деревушке в 1614-м. Ненадолго пережил его и Мигель де Сервантес» [4: 149].

“Defeated by reality, by Spain, don Quixote died in 1614 in the town of his birth. He was survived only a short time by Miguel de Cervantes” [5: 315].

Происходит наложение двух миров: “el mundo irreal de los libros caballeros, el mundo cotidiano y común del siglo XVII” [3: 46]; «вымышленного мира рыцарских романов и повседневного, заурядного мира семнадцатого столетия» [4: 149]; “the unreal world of romances and the common everyday world of the seventeenth century” [5: 315].

И в конце автор приходит к выводу, что: “en el principio de la literatura está el mito, y asimismo en el fin” [3: 46]; «литература начинается мифом и заканчивается им» [4: 149]; “in the beginning of literature there is myth, as there is also in the end of it” [5: 315].

Таким образом, буквально в нескольких штрихах описывается судьба литературного персонажа и автора, ставшего не менее известным литературным персонажем.

Случаи превращения реальных историй в литературные произведения не редки, и произведения эти получают зачастую не менее, а иногда и более интересными, чем повествования о вымышленных героях. Как пишет об одном из таких случаев О.Б.Карасик: «обычная история

обычного человека, однако от этого она не менее заслуживает того, чтобы быть превращенной в литературное произведение» [6: 190].

Немного странным нам кажется выбор названия рассказа на русском языке. И в испанском, и в английском языках используется не слово «притча», а слово «парабола», более раскрывающее суть авторского замысла, уже в самом названии показывающее описываемое в рассказе сопоставление автора и его персонажа.

В этом небольшом рассказе категория **пространство** представлена очень ярко.

У каждого из двух героев есть реальный прозаический мир, который их не удовлетворяет. Сервантесу опостыхла вся Испания: “Harto de su tierra de España” [3: 45], «Наскучив своей Испанией» [4: 149], “Weary of his land of Spain” [5: 315]. Дон Кихоту кажутся чересчур обыденными земли, где он живет: “...en lugares prosaicos que se llamaban El Toboso o Montiel” [3: 45], «...в прозаических местах с названиями Монтель и Тобосо» [4: 149], “...in prosaic places with names such as El Toboso and Montici” [5: 315].

Здесь в трех рассматриваемых языках первое слово будет иметь разную интенсивность. Испанское **harto de** можно перевести на русский как «сытый по горло», что оказывается более интенсивным, чем используемое в русском языке деепричастие **наскучив**, производное от глагола «наскучить», при этом английское **weary of** несет скорее признак усталости, чем скуки, о которой идет речь в русском варианте текста, и опять-таки оно менее интенсивно по значению, чем выражение, используемое в оригинале рассказа.

Во всех трех исследуемых языках Испания употребляется с притяжательным местоимением, указывающим на принадлежность этой страны герою (Дон Кихоту). Расхождение в описании этого пространства в том, что в испанском и в английском вариантах фигурирует слово **tierra** земля, **land** земля, в то время как в русской версии рассказа указывается только название страны. Обыденность данных земель рассматривается в идентичных выражениях: **en lugares prosaicos, в прозаических местах, in prosaic places**. И во всех трех версиях приведены названия описываемых мест, конечно же, с учетом расхождения фонетических норм и традиций перевода названий этих мест: **El Toboso o Montiel, Монтель и Тобосо, El Toboso and Montici**. С какой целью в русской версии рассказа сначала упоминается Монтель, и только потом Тобосо, остается непонятным. Возможно, переводчик отталкивался от благозвучия названий, а может быть, указал название Тобосо после Монтеля как более известное русскому читателю. В лю-

бом случае идея обыденности упомянутого пространства передается одинаково во всех трех рассматриваемых языках.

Оба героя скучают в этом обыденном мире и в мечтах уносятся к сказочному виртуальному пространству: “...buscó solaz en las vastas geografías de Ariosto, en aquel valle de la luna donde está el tiempo que malgastan los sueños y en el ídolo de oro de Mahoma que robó Montalbán” [3: 45], «...тешился безмерными пространствами Ариосто, лунной долиной, где пребывает время, растраченное в пустых снах, и золотым истуканом Магомета, который похитил Ринальд Монтальванский» [4: 149], “...sought solace in the vast geographies of Ariosto, in that valley of the moon in which one finds the time that is squandered by dreams, and in the golden idol of Mohammad stolen by Montalbán” [5: 315].

Пространства мечты описаны в испанском и английском языках как **vastas geografías, vast geographies** – *обширные географии*, в русской же версии рассказа слово **география** было заменено на более подходящее в данном контексте слово **пространство: безмерными пространствами**. При этом незначительно меняется значение фразы. География наводит на мысль о путешествиях, в то время как пространство не имеет таких прямых ассоциаций.

И в конце концов то самое прозаическое и обыденное пространство, которое так давило на героев, для читателей становится тем самым сказочным местом, в которое хочется унести мечтой: “No sospecharon que los años acabarían, no sospecharon que la Manchay Montiel y la magra figura del caballero serían, para el porvenir, no menos poéticas que las etapas de Simbad o que las vastas geografías de Ariosto” [3: 46], «Они не подозревали, что века сгладят в итоге это различие, не подозревали, что и Ламанча, и Монтель, и тощая фигура странствующего рыцаря станут для будущих поколений такой же поэзией, как плавание Синдбада или безмерные пространства Ариосто» [4: 149], “ They never suspected that they ears would at last smooth away the discord, never suspected that in the eyes of the future, La Mancha and Montici and the lean figure of the Knight of Mournful Countenance would be no less poetic than the adventures of Sindbad or the vast geographies of Ariosto” [5: 315].

Здесь интересно отметить, что переводчик на английский язык, говоря о Дон Кихоте, называет его не просто странствующим рыцарем, как в испанском и русском текстах, но и Рыцарем Печального Образа – именно так именуют Дон Кихота во всем мире.

Таким образом, происходит многократное наложение пространства: во-первых, на прозаическую Испанию, в которой живет Сервантес, накладывается художественный образ того же пространства, той же прозаической Испании, но являющейся миром уже не самого Сервантеса, а героя его романа, далее этот прозаический мир становится миром мечты для читателя, и он приравнивается к далеким землям, по которым странствовал Синдбад, становясь таким же сказочным и мифическим. И наконец, прозаический мир самого Сервантеса, от которого писатель и пытался убежать в сказку, накладывается на мир его героя. Круг замыкается. Писатель оказывается героем такого же точно мифа, который он сам искал, спасаясь от неприглядной реальности.

При этом, проведя значительную часть своей жизни в виртуальном мире, умирают оба героя на своей родной земле.

Подводя итоги, отметим следующее:

1) при сопоставлении текстов исследуемого произведения на трех рассматриваемых языках необходимо принимать во внимание погрешности, допущенные переводчиками, например, изменение названия рассказа в русской версии, добавление упоминания о Дон Кихоте как о «Рыцаре Печального Образа», невозможности использования точного дословного перевода некоторых понятий из-за языковых традиций. Все это в рамках короткого и выверенного рассказа, каковым является исследуемый рассказ Хорхе Луиса Борхеса, может привести к значительным искажениям смысла, не обусловленным чисто лингвистическими причинами;

2) в целом мы можем рассматривать тексты профессионально выполненных переводов литературного произведения как ценный материал для сопоставления языков, поскольку, несмотря на упомянутые искажения, переводчики передают авторскую мысль средствами другого языка, и мы можем изучать именно лингвистические средства передачи одной и той же мысли на разных языках;

3) прежде чем начинать сопоставление единой мысли, выраженной средствами разных языков, следует оценить качество перевода, чтобы

отделить переводческие ошибки или намеренные отклонения от авторской мысли от чисто лингвистических различий между исследуемыми языками;

4) в рассматриваемом рассказе Хорхе Луиса Борхеса описание категории **пространство** многогранно: происходит двойное разделение пространства на реальное и виртуальное двумя героями рассказа, Сервантесом и Дон Кихотом. При этом то самое пространство, которое для Дон Кихота является реальным, для Сервантеса изначально относится к разряду виртуального, в дальнейшем же переходит в категорию виртуального и реальное пространство самого Сервантеса;

5) при помощи лингвистических средств автор рассказа и переводчики четко делят пространство героев на свое / чужое, маркируя свое, реальное, притяжательным местоимением, а чужое, виртуальное, относя к книгам, которые читают герои.

1. *Колабинова Т.И.* Категория пространство в рассказе Х.Кортасара «Непрерывность парков» и его переводах // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Казань: издательство Казанского университета 2013.– Том 155, книга 5.– С. 107– 114.
2. *Кобозева И.М.* Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152 – 162.
3. *Borges J.L.* Parábola de Cervantes y de Quijote / Borges J.L. El hacedor. – Madrid: Alianza Editorial, 1997 (1972). – P. 45 – 46.
4. *Борхес Х.Л.* Притча о Сервантесе и Дон Кихоте / Борхес Х.Л. Рассказы: Серия «Классики XX века / Пер. Б.Дубина. – Ростов-на-Д: Феникс; Харьков: Фолио, 1999. – 149 с..
5. *Borges J.L.* Parable of Cervantes and the Quixote / Borges J.L. Collected Fictions / Transl. by A.Hurley. – New York: Penguin Books, 1999. – 315 p.
6. *Карасик О.Б.* Семейная история, превращенная в роман: «По наследству» Ф.Рота // Филология и культура. Philology and culture. – Казань, 2012. – №4 (30). – С. 189–193.

**LINGUISTIC MEANS DESCRIBING THE CATEGORY OF “SPACE”
IN RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH (BASED ON THE SHORT STORY
PARABLE OF CERVANTES AND THE QUIXOTE BY J.L.BORGES AND ITS
ENGLISH AND RUSSIAN TRANSLATIONS)**

T.I.Kolabinova

The short story *Parable of Cervantes and the Quixote* (Parábola de Cervantes y de Quijote) by J.L.Borges draws a parallel between the fates of the author and the character of his book. The present article provides a comparative analysis of the linguistic means used to describe the category of “space” in the original story and its translations into Russian by B.Dubin and into English by A.Hurley. The author draws a conclusion that in spite of translation mistakes, the same text written in different languages is valuable material for linguistic research. In the story under study, space is divided into one’s own one (real, everyday) and a foreign one (virtual, tantalizingly-fabulous) for each of the characters. But the same space which seems so ordinary to the fiction characters becomes tantalizingly-fabulous to the readers.

Key words: space, categories, J.L.Borges, *Parable of Cervantes and the Quixote*.

1. Kolabinova T.I. Kategorija prostranstvo v rasskaze H.Kortasara «Nepreryvnost' parkov» i ego perevodah // Uchjonye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. – Kazan': izdatel'stvo Kazanskogo universiteta 2013. – Tom 155, kniga 5. – S. 107 – 114. (In Russian)
2. Kobozeva I.M. Grammatika opisaniya prostranstva // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv. – M.: Jazyki russoj kul'tury, 2000. – S. 152 – 162. (In Russian)
3. Borges J.L. Parábola de Cervantes y de Quijote / Borges J.L. El hacedor. – Madrid: Alianza Editorial, 1997 (1972). – P. 45 – 46. (In Spanish)
4. Borhes H.L. Pritcha o Servantese i Don Kihote / Borhes H.L. Rasskazy: Serija «Klassiki HH veka / Per. B.Dubina. – Rostov-na-D: Feniks; Har'kov: Folio, 1999. – 149 s. (In Spanish)
5. Borges J.L. Parable of Cervantes and the Quixote / Borges J.L. Collected Fictions / Transl. by A.Hurley. – New York: Penguin Books, 1999. – 315 p. (In Spanish)
6. Karasik O.B. Semejnaja istorija, prevrashhjonaja v roman: «Po nasledstvu» F.Rota // Filologija i kul'tura. Philology and culture. – Kazan', 2012. – № 4 (30). – S. 189 – 193. (In Russian)

Колабинова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: tatianakolabinova@yandex.ru

Kolabinova Tatiana Ivanovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance Philology, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: tatianakolabinova@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.04.2014